

Из мифа в быль переплывая

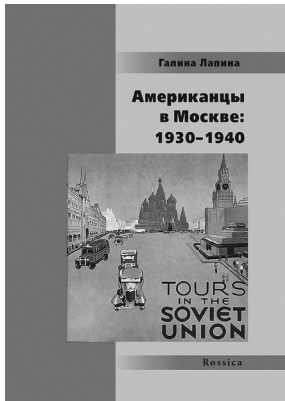
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_344

Лапина Г. Американцы в Москве: 1930—1940.

М.: Литфакт, 2022. — 320 с. — 300 экз. — (ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 3).

История обращается в миф, как только становится предметом вспоминания, рассказа и использования, то есть как только влетает в ткань современности...

Ян Ассман¹

Героев этой книги — сотни: американцы, притом самые разные — газетчики и инженеры, дипломаты и автомеханики, поэты, актеры, студенты. Все они девять десятилетий назад плыли, а потом ехали в Москву — за информацией или новым опытом, за справедливостью или практическим делом. Несколько недель, иногда месяцев, проведенных в новой среде, давали возможность оглядеться, обжиться, утратить иллюзии, а иногда, как ни странно, укрепиться в таковых. Никого из авторов писем, дневников, воспоминаний, анализируемых в книге, уже нет в живых, и нужно немалое усилие, чтобы восстановить обстоятельства их первого контакта с «новым миром». Я от души завидую любознательным студентам Висконсинского

университета в Мэдисоне, которые занимались этой работой под руководством профессора Галины Лапиной, — им и посвящена ее книга, а нам она дает повод задуматься о внутреннем родстве и несовпадении памяти и истории, непосредственного опыта и продуктов воображения.

Галина Васильевна Лапина — прекрасный посредник. Кроме богатства архивного материала, сведенного воедино из самых разных источников, подкупает бережность, с какой восстанавливаются культурные контексты, а также сдержанность и точность манеры повествования.

Книга состоит из пяти глав-эпизодов. Первый — история неудавшегося кинопроекта под названием «Черные и белые». В начале 1930-х советско-германская студия «Межрабпомфильм» затеяла проект до той поры небывалый — киноисследование расизма в США. На призыв участвовать отозвались два десятка чернокожих американцев — люди молодые и пестрых занятий: отнюдь не пролетарии, вовсе не коммунисты и даже не киношники (никто ни разу не выходил на сцену, не стоял перед кинокамерой). Двигало ими неудовлетворенное чувство справедливости, интерес к социальному эксперименту, объявленному на другом конце

1 Assmann J. *Moses the Egyptian: The memory of Egypt in Western monotheism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 14.

света, а кем-то — простая охота к перемене мест. Добравшись в Москву в июне 1932 г., они столкнулись со странностями уже готового, но явно требующего переделки сценария и с причудливыми реалиями местной жизни: «негритянских товарищей» селили в лучших гостиницах, в автобусах им уступали места из классовой солидарности, но великий Сергей Эйзенштейн мог повести себя вдруг с бесцеремонностью белого плантатора, настаивая на том, чтобы чернокожая гостя для него танцевала. Главная же неожиданность настигла компанию, когда проект вдруг закончился, не успев толком начаться. Советское правительство пожертвовало интересами мировой революции ради реальной политики (налаживания отношений с США), — борцов за равенство рас отправили домой, постаравшись предвзвешенно угодить. Российско-американский кинороман не удался.

Несколько дольше продлился роман театральный. На протяжении четырех лет, с 1933 по 1937 г., «Интурист» привозил американских любителей театра на Московские фестивали. Демонстрация «достижений советской драмы, балета и оперы» (с. 91) была организована с размахом: десятидневное пребывание в стране² предполагало знакомство с классической и новейшей советской драматургией, а также допуск в творческую кухню (на репетиции) лучших режиссеров — Станиславского, Таирова, Мейерхольда. Нужно ли удивляться тому, что гости, среди которых были актеры и студенты, изучавшие театральное искусство, чувствовали себя в «творческом раю» (с. 118)? Их вдохновляло многое, включая писательские гонорары, тем же писателям положенные госдачи и предполагаемое отсутствие цензуры. Вот только пятый фестиваль, запланированный на лето 1937 г., неожиданно не состоялся. То ли в форме мероприятия была обнаружена некая дефектность, то ли некому эту форму оказалось реализовывать, — руководство «Интуриста» было все посажено, председатель правления Вильгельм Курц вскоре расстрелян.

На этом фоне особенно заметна фигура Софи Тредуэлл. Она приехала в Москву впервые весной 1933 г., будучи уже автором двух десятков пьес, из которых некоторые шли на Бродвее, с самым громким успехом — «Машиналь» (1928). Именно эта пьеса была принята к постановке в Камерном театре, и Тредуэлл могла наблюдать за становлением таировской версии своего произведения, искренне удивляясь превращению бытовой драмы (основой сюжета послужил нашумевший в США криминальный случай: жена убила мужа ради получения страховки) в драму социальную. Этой приметливой американке было интересно все: разговоры с Таировым, а также Станиславским и Булгаковым, посещения коммуналок, исправительных учреждений и строек социализма. Много ли можно услышать, вслушиваясь в речь, доступную только через переводчика? Пример Тредуэлл показывает: больше, чем нам кажется! Результатом всего лишь двухмесячного погружения в советский быт стала пьеса «Последние стали первыми» (в окончательном варианте — «Земля обетованная») написанная по свежим следам пребывания в Москве, летом 1933 г. Пьеса, однако, так и не была поставлена и после смерти Тредуэлл в 1970 г. еще столетия пролежала в архиве Университета штата Аризона. Впервые текст опубликован по-русски в переводе Галины Лапиной в журнале «Иностранная литература» (2022. № 12) и в рецензируемой книге размещен в качестве приложения. Пьеса действительно интересна — крепко сбита, с живыми диалогами (за что спасибо и автору, и переводчику) — и отмечена довольно явным тяготением к экспрессионизму. Место действия — кухня и комнаты московской коммунальной

2 Виза, проживание, питание, посещение театров и услуги гида-переводчика в совокупности в 1933 г. стоили от 50 до 150 долларов (от 1000 до 3000 по курсу 2021 г.) (с. 92).

квартиры, ее обитатели — недавние крестьяне, князь, зарабатывающий извозом, вчерашняя казачка, ставшая труженицей атеистического фронта, старый революционер, пытающийся адаптироваться к новой реальности, в которой никому не нужен, капризная балерина, озабоченная потребительством, ее сын-пионер, всегда готовый донести куда и на кого следует... Между аристократкой Ксенией, живущей под именем своей горничной Нади, и героем новых времен, нквдэшником Волковым, разыгрывается неуверенный роман. Усилиями Волкова Ксения-Надя пристроена переводчицей к американскому журналисту, которого интересует скрываемый властями голод на юге страны, но писать на скользкую тему он не торопится, — это чревато высылкой и потерей хлебного места в газете... О постановке такой пьесы в СССР речь, само собой, не шла, но дело в том, что и в США ее оказалось некому поставить: консерваторов не интересовала тематика, либералов возмущала слишком откровенная, притом с реакционных позиций, пропаганда. Критикам хотелось больше человечности, более сложного психологического рисунка, и Тредуэлл пыталась пойти навстречу: усиливала любовную линию, нехотя переделывала финал, усиливая в нем момент неопределенности. В итоге Надя-Ксения и Волков, изменяя собственным исходным принципам, решают сохранить семейный союз, — ожидаемый ими ребенок должен стать частью новой, советской аристократии. Тредуэлл — далеко не единственная в свое время — столкнулась с проблемой соединения искусства с продвижением идей³.

Интересно освещается в книге история Англо-американского института при МГУ (1934—1935). Задачей этих летних курсов было знакомство любопытствующих американцев с советской реальностью, и стоило оно недешево: шесть недель занятий плюс знакомство со страной, плюс дорога в оба конца, жилье и питание за 389 долларов. Желающие тем не менее были, среди них — «голлиевские принцы» (сыновья успешных кинопродюсеров), родственники обоих президентов Рузвельтов (Теодора и Франклина) и иные небедные, по преимуществу молодые, люди. Они с азартом вживались в московский быт — кто рядился в русскую рубаху, кто отращивал «ленинскую бородку», кто посещал нудистские пляжи (исполненные «революционного духа», с. 141) или приобретал навык обмена долларов на рубли в подворотнях по неофициальному курсу. Что до занятий, то преподавались в институте «социальные основы коммунистического общества» — на плоховатом английском, и бессмертная русская классика — с классовых позиций и с оксфордским прононсом (курс вел князь Святополк-Мирский, незадолго перед тем вернувшийся на родину из Англии). Запомнился бывшим студентам поход в кино — на относительно новый американский фильм «Хижина в хлопке» (1932), который в советском прокате преобразился в «Предательство Марвина Блейка». В фильме был показан эпизод классовой борьбы, завершившейся в оригинальной

3 С этой же проблемой в эти же годы разбирался Бертольд Брехт. В небольшой заметке «Нечто: к вопросу о реализме» он рассказывает о собственной, с рядом коллег, попытке в начале 1930-х сделать фильм об отчаянном положении берлинских безработных и о коллизии с цензором. Тот обвинил создателей фильма не в слишком жестком социальном анализе, не в посягательстве на политические устои, чего можно было ожидать, а в слабости художественного решения: в стремлении изображать не отдельного человека, а обезличенный тип. «Уходя домой, — заключает Брехт, — мы не скрывали своего уважения к цензору. Он проник в существо нашего произведения глубже самых благожелательных критиков. Он прочитал нам небольшую лекцию о реализме. Правда, с полицейской точки зрения» (*Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: В 5 т. М.: Искусство, 1965. Т. 5, ч. 1. С. 310*). Лекции о реализме, похоже, читали и Софи Тредуэлл, но с либеральной (в тогдашнем понимании либерализма) точки зрения.

версии торжеством примирения классов: фермер-издольщик и дочь плантатора обретали счастье в любви. В советском кинозале, к удивлению американских студентов, свет зажегся в момент, когда конфликт достиг точки высшей непримиримости, — вот он, «контроль над умами» (с. 145), заключили дети голливудских набобов, не очень, видимо, чувствуя иронию ситуации. Еще вышел удивительный случай со стенной газетой, которую администрация института внезапно велела снять со стены. Последовало разбирательство с участием профессора, делавшего вид, что не понимает по-английски, переводчика (видимо, из органов) и автора воспоминаний, Ринга Ларднера-младшего (сын известного писателя и журналиста, сам впоследствии писатель и киносценарист). «Что же было такое в газете, оскорбительное “для официальных лиц и учреждений”?» — интересовался американский студент. — «Да вот хотя бы эта петиция, — пояснил переводчик, — слишком дерзко адресованная руководству: “всем студентам утром в постели полагается двойной виски с содовой, поскольку завтракать на пустой желудок вредно для здоровья”». И вот еще в конце: «Двойной виски с содовой необходимо подавать перед сном всем студентам, поскольку нет ничего опаснее для их здоровья, чем ложиться спать трезвыми». — «Но это пародия, — возразил виновник скандала, — на “настоящую” петицию, ранее размещенную в газете студенческого исполкома и не вызвавшую никаких нареканий». «Пародия? — спросил переводчик, который впервые пришел в замешательство. — Что такое пародия?» — «Юмористическое преувеличение, не имеющее цели что-либо доказать или исправить», — отпартовал Ларднер. — «Юмор ради юмора? — Профессор переваривал эти слова, повторяя их. — Такого у нас в Советском Союзе нет» (цит. по с. 138—139). На этом дисциплинарное заседание закончилось.

Деятельность института завершилась внезапно, хотя была как будто вполне успешной: в первый годы набрали 25 слушателей, во второй — двести, в третий — триста. Эти три сотни человек уже приплыли в Ленинград и готовились жить в доме-коммуне прогрессивно-общественного быта (по 2-му Донскому проезду), даже обзавелись сезонными билетами в ЦПКиО. Но вдруг занятия отменили — раз и, как оказалось, навсегда, по причинам, которые так и остались загадочными. То ли советская сторона мобилизовала профессоров на Седьмой конгресс Коминтерна, то ли американская сторона в лице посла Буллита решила пресечь поток красной пропаганды.

Последняя глава книги называется «Посол и его шофер: две “Миссии в Москву”». Это — диптих (как и обещано в названии), посвященный двум книгам воспоминаний. Посол США в СССР Джозеф Э. Дэвис провел в Москве примерно полтора года, с января 1937-го до лета 1938 г., и по горячим следам написал книгу «Миссия в Москву»⁴. Практически из-под пера она пошла в печать, поскольку воспринималась как «ложка к обеду»: США готовились вступить в войну, и в отношениях двух держав было важно обозначить если не возможность взаимопонимания, то пространство маневра. Личный шофер посла Дэвиса Чарльз Силиберти тоже написал книгу «Миссия в Москву с черного хода»⁵, — ей, правда, пришлось подождать с публикацией до конца «горячей» войны и начала холодной. Сам Силиберти не думал играть в политику, он просто описывал, что видел. Естественно, шофера не пускали туда, куда был вхож посол, но оба наблюдали уличные будни и праздники (напри-

4 Davies J.E. Mission to Moscow by United States Ambassador to the Soviet Union from 1936 to 1938. L., 1941. Рус. перевод: Дэвис Дж. Моя миссия в Москве. Дневники посла США 1936—1938 годов / Пер. с англ. В.Ю. Добрынина. М.: Родина, 2022.

5 Backstairs Mission in Moscow by Charles Ciliberti Chauffeur to the Ambassador and Mrs. Joseph E. Davies 1936—1938. N.Y.: Booktab Press, 1946.

мер, парад физкультурников) и дачи высокопоставленных советских чиновников тоже посещали оба, разве что с разного входа. Опытный адвокат и дипломат Дэвис получал информацию из множества источников, от американских журналистов до советских функционеров, но трактовал ее исходя из собственных представлений о политической конъюнктуре. В репрессивных практиках Советского государства он не видел ничего нового сравнительно с действиями царской охранки («кажется, это старинный русский обычай», с. 221), скандал судопроизводства над заговорщиками-троцкистами описывал с созерцательной теоретичностью («с интеллектуальной точки зрения очень интересно», с. 218) и на основе массы одному ему видимых признаков заключал, что «Советы возвращаются к капиталистическим принципам, несмотря на их заверения в верности коммунизму» (с. 196). В оперативных донесениях госсекретарю он писал о нарастающей тирании, но из книги резкости убирал, корректируя свои суждения под курс президента Ф.Д. Рузвельта. Что до шофера Силиберти, то особого образования он не имел, русский язык учил по мере возможности и общался с русскими шоферами, а иногда с «топтунами» НКВД, которые «охраняли» посольство, но уважали сигареты «Кэмел». Его удивляла роскошь элиты, а бедность советского народа он описывал с живым сочувствием, от которого были далеки и посол, и первая леди Марджори Пост-Дэвис (та тоже оставила записки — с разнообразными сведениями о мебелировке чиновных дач, выправке командармов и платьях их жен на дипломатических приемах). В этой части книги Галины Лапиной меня, честно говоря, несколько смущал сентиментальный пафос, с каким противопоставляются слепота самоуверенных снобов и прозрения простого человека⁶. Простой человек Силиберти мог не думать о политической конъюнктуре, — думали за него, и у тоненькой его книжечки был, конечно, редактор. Редактор этот, кстати, пошутил в предисловии: «Не лучше ли Соединенным Штатам посылать в другие страны рабочих вместо дипломатов или — если это слишком дерзкое предложение — вместо близоруких журналистов» (с. 226). Фраза, звучащая пародией на советский дискурс, американскому редактору, конечно, ничего не стоила. А вот упоминавшийся уже выше «пародист» Ринг Ларднер как раз в это самое время за шутку пострадал — уже не в СССР, а у себя дома. В октябре 1947 г. он предстал перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности (озабоченной инфильтрацией коммунистов в кинопроизводство США) и в ответ на предсказуемый вопрос председателя: «Являетесь ли вы в настоящее время или были когда-либо членом коммунистической партии?» — невесело пошутил: «Я бы мог ответить точно так, как вы хотите, господин председатель <...>. Я мог бы ответить, но, если бы я это сделал, утром я возненавидел бы себя» (протокол цитируется по с. 157). За эту попытку сохранить самоуважение Ларднер был наказан десятимесячным тюремным заключением и запретом на профессиональную деятельность⁷. И в Америке наступало время, нетерпимое к шуткам. В романе «Новая жизнь» (1960) Бернард Маламуд так описал его в переживании интеллек-

6 «Сказались ли разговоры со знакомыми механиками и шоферами или некий имунитет ко лжи, однако Чарли был не склонен доверять советской пропаганде» (с. 198). Например, шофер не мог, подобно послу Дэвису, наблюдать судебный процесс непосредственно, «однако он видел конвой, предназначавшийся для охраны семнадцати подсудимых, и это “незабываемое зрелище”, которое он наблюдал поздно вечером в ожидании посла, показалось ему настолько зловещим, что оставленная им короткая зарисовка говорит больше, чем многословные отчеты Дэвиса о процессе» (с. 177).

7 Ларднер дожил до 2000 г., когда вышла книга его воспоминаний «Я бы возненавидел себя наутро» (*Lardner R. I'd Hate Myself in the Morning*. N.Y.: Thunder's Mouth Press, 2000).

туального героя: «Чтобы сохранить душевный мир, он многие дни не открывал газет и не включал радио. Он знал, что будет в новостях, и предпочитал об этом забыть. Холодная война наступала на мир, как ледник. Корейская — была горячей и казалась для Америки менее безнадежной. Страна исполнилась страха и самобичевания, превратилась в нацию шпионов и коммунистов. Сенатор Маккарти сжимал досье на каждого в волосатом кулаке. Ходили слухи о чем-то еще более страшном, что ученые творили с атомом. Америка сделалась антиамериканской, в лучшем смысле этого нехорошего слова»⁸.

То время закончилось, цикл завершился — или может снова начаться? Читая книгу Галины Лапиной в 2023 г., нельзя не думать сочувственно о русских и американцах как об антиподах, в чем-то невольно зеркалящих друг на друга — на поле большой истории, в плену социальных мифов.

8 *Malamud B. A New Life. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1961. P. 95.*